

КАРИНА РОДИОНОВА

Здравствуйте!

Я - Ваш МУЖ

18+

Карина Родионова

Здравствуйте! Я - Ваш муж

<https://litres.ru/74305469>

SelfPub; 2026

Аннотация

собиралась выходить замуж за любимого мужчину и ожидала счастливой и радостной жизни рядом с ним. Но тут в мою жизнь ворвался ОН. Этот незнакомец вдруг заявил, что я - его жена. И что теперь делать? Бежать? Но где я могу спрятаться от новоявленного мужа, чтобы потом, спустя год, аннулировать этот внезапный брак? Разве что в Академии Магии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	51
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	76
Глава 12	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Карина Родионова

Здравствуйтесь! Я - Ваш муж

Здравствуйтесь! Я - Ваш муж

Глава 1

Ночь окутала особняк Яворски густым, бархатным туманом, но внутри меня бушевал пожар, который не под силу было потушить даже прохладному ночному воздуху. Мы с Эндрю стояли в полумраке коридора, прямо у тяжелой дубовой двери моей спальни, и целовались так, словно это были наши последние мгновения на земле.

Его руки, сильные и горячие, собственнически прижимали меня к своему телу. Я чувствовала каждый изгиб его мускулистой груди, твердость его пресса, и это физическое присутствие лишало меня воли. Эндрю не просто целовал — он впитывал меня в себя. Его поцелуи были жадными, почти отчаянными, они обжигали губы и заставляли сознание расплываться, превращая реальность в туманное марево, где существовали только его дыхание, вкус его кожи и невыносимое, сладкое напряжение.

— К тебе... или ко мне? — Его голос, обычно бархатный и спокойный, сейчас сорвался на хриплый шепот. Он тяжело дышал мне в шею, и я чувствовала, как по моей коже пробегают искры.

Я попыталась сосредоточиться. Остатки моего уплывающего сознания судорожно пытались проанализировать ситуацию. В этом доме тишина была обманчивой. Матушка или сестра могли внезапно явиться ко мне. Их появление

в спальне в такой момент было бы катастрофой, способной разрушить всё наше хрупкое уединение.

— К тебе! — выдохнула я, едва справляясь с дрожью в голосе.

Эндрю издал низкий, торжествующий звук. Его руки скользнули ниже, к моим бедрам, и он начал подхватывать меня за руки, готовясь перенести в свое убежище. Но в тот самый миг, когда я почувствовала, как мои ноги отрываются от пола, за нашими спинами раздалось оглушительное, нарочито громкое покашливание, заставившее нас обоих застыть, словно вкопанных.

— Кхм!

Этот звук прорезал тишину, как лезвие. Мы замерли. Я чувствовала, как жар стыда мгновенно сменяет жар страсти.

— Я, конечно, всё понимаю, — раздался знакомый, поучающий голос. — Молодость, гормоны, неудержимое влечение... Всё такое. Но завтра у нас не просто день, завтра — важнейшее событие в вашей жизни.

Я не оборачивалась, но кожей чувствовала присутствие дядюшки. Он стоял в тени, сложив руки на груди, и его фигура в полумраке коридора казалась монументальной. Непонятно, как и зачем он решил совершить ночной обход именно возле моей спальни, но его присутствие здесь было максимально неуместным.

— Завтра вам предстоит сложный и невероятно насыщенный день, — продолжал он, и я почти видела, как он поправ-

ляет свои очки. — Я думаю, что полноценный сон не помешает невесте сохранить свежий вид. Время уже слишком позднее, так что давайте-ка, детки, отправляйтесь по своим кроваткам. Без лишнего драматизма.

Мне показалось, что я слышала, как в тишине коридора отчетливо скрипнули зубы Эндрю. Его гнев был тихим, но ощутимым. Я, залитая краской смущения, едва нашла в себе силы отстраниться.

— Спокойной ночи! — буркнула я, не смея поднять глаз.

Я поспешно юркнула в свою комнату и едва закрыла дверь, как прислонилась к ней спиной. Ноги меня не держали, колени подкашивались. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

— Проявите терпение, молодой человек! — донесся из-за двери наставительный голос дядюшки, обращенный, очевидно, к Эндрю. — Остался всего один день. Всего один день терпения, и вы сможете проводить все свои ночи вместе на совершенно законных основаниях. Помните о приличиях!

— Вы правы, — глухо, с явным трудом ответил Эндрю. — Спокойной ночи, господин Артеми.

После этого я слышала тяжелые, размеренные шаги. Эндрю уходил, покидая гостевое крыло, и с каждым его шагом в моей душе росла пустота. Я тяжело вздохнула, глядя на пустую, холодную кровать. Мне так хотелось оказаться в его объятиях, почувствовать его силу, но вместо этого мне предстояло провести ночь в одиночестве, подготавливаясь к зав-

трашнему дню.

Впрочем, дядюшка был прав в одном: завтра будет свадьба. И завтра мне нужно быть безупречной.

Мои мысли невольно вернулись к тому, как всё начиналось. Наша встреча на приеме у дальней родственницы Эндрю была похожа на сцену из старой легенды. Я помню смех и его взгляд — глубокий, пронзающий, заставляющий забыть обо всем на свете. Он был чертовски красив: темные пряди, идеально очерченные скулы и эта обаятельная, чуть лукавая улыбка, которая приковала меня к нему с первого взгляда.

Он ухаживал за мной с изысканным благородством. Его подарки были не просто дорогими — они были магическими. Букеты, обработанные редкой пылью, не увядали неделями, наполняя мою комнату ароматом вечного лета. Он водил меня на выставки иллюзий, где магия сплеталась с искусством, создавая миры, которых не существует. Я теряла голову, я тонула в этой романтике, и когда он, преклонив колено, попросил моей руки, я не раздумывала ни секунды. Мое «Да» было предрешено.

Но за этой сказкой скрывалась грустная реальность. Эндрю еще не закончил последний курс Магической Академии. Это значило, что после свадьбы нас ждет разлука. Целый год я буду ждать его писем и редких визитов во время каникул.

— Я не хочу уезжать, оставляя тебя одну и без моего кольца на пальце, — шептал он мне, сжимая мои ладони своими. — Я хочу, чтобы ты как можно быстрее стала моей женой.

Чтобы мир знал, кому ты принадлежишь.

И я поддерживала его. Я ждала этого дня так же сильно, как и он.

Свадьбу решили провести в родовом поместье его родителей, и мы приехали туда всей нашей большой семьей. Мой отец пропал много лет назад, и если бы не дядюшка Дрез, я не знаю, как мы выжили бы. Он взял на себя заботу о нас, он стал нашей опорой. И именно он должен был завтра повести меня к алтарю.

Утро наступило слишком резко. Я не успела даже проснуться, как дверь моей спальни распахнулась с грохотом.

— Санни! — воскликнула матушка, врываясь в комнату в сопровождении двух служанок, которые несли гору тканей и флаконов. — Как ты можешь спать, когда у нас столько дел! Весь особняк на ушах!

Я поморщилась. Матушка всегда называла меня «Санни» — сокращенно от Арисания — в моменты крайнего возбуждения, и это раздражало меня до глубины души. Но спорить с ней было бесполезно.

— Мама, я еще не в сознании, — пробормотала я, натягивая одеяло до подбородка. — Если вы начнете делать из меня «конфетку» на голодный желудок, я превращусь в пожеванное кондитерское изделие.

Матушка лишь фыркнула, но приказала служанкам немедленно принести завтрак.

После сытного завтрака начался настоящий кошмар преобразования. Маски, скрабы, пилинги, бесконечный маникюр... Я чувствовала себя не невестой, а куском мрамора, который скульптор обтесывает ради идеальной формы. К тому времени, как меня, наконец, затянули в жесткий корсет, облачили в тяжелое, расшитое жемчугом платье и водрузили на голову фату, я чувствовала себя совершенно измученной.

Я «выплыла» в холл особняка вместе с матерью и сестрой, стараясь не споткнуться в своих новых туфлях, на невероятно высоких каблуках. Мы направлялись к банкетному залу, где уже должен был ждать Эндрю.

И именно в этот момент тяжелые, массивные двери, ведущие с улицы, распахнулись с такой силой, что по залу пронесся поток холодного воздуха. В проеме возник силуэт. Солнечный свет, слепящий и яркий, на мгновение скрыл черты вошедшего, превратив его в темный контур на фоне ослепительного сияния.

Мужчина шел прямо к нам. Его шаг был уверенным, тяжелым, властным. Он не смотрел на гостей, не смотрел на украшения. Его взгляд, острый и целенаправленный, впился в меня.

— Арисания Артеми? — его голос прозвучал низко, заставляя замолчать даже шепчущихся служанок.

Я замерла, растерянно моргая и не в силах отвести глаз. Мужчина сделал еще один шаг, сокращая дистанцию. Его лицо, которое я едва могла различить в этом свете, выража-

ло странную, пугающую решимость.

— Здравствуйте! Я - Ваш муж.

Глава 2

— Чушь несусветная! — воскликнула я, даже не пытаясь вслушиваться в бред, который нес этот безумец.

Кто вообще позволил ему ворваться в особняк Яворски? У меня здесь свадьба, а всякие сумасшедшие пытаются всё испортить! Ну уж нет, я не позволю! Я ждала этого дня целых три месяца — с того самого момента, как Эндрю сделал мне предложение. Матушка с дядюшкой твердили, что спешить нельзя: мол, люди не то подумают. Но людям всегда свойственно додумывать лишнее! И что теперь, из-за их страхов мне вовсе замуж не выходить?

На секунду я замешкалась, ошеломленная дерзостью незнакомца, но тут же рванула вперед, к банкетному залу.

— Это кто такой? — шепотом спросила сестра, едва поспевая за мной.

— Понятия не имею, — я лишь неопределенно пожала плечами.

Я точно знала: этот тип мне не знаком. Я осознала это за те короткие мгновения, что он стоял передо мной, заявляя, что он — мой муж. Не оборачиваясь, я мчалась навстречу будущему, к человеку, который вот-вот должен был стать моей опорой.

Перед входом в зал я сделала глубокий вдох, заставив себя обрести самообладание. Я вошла в зал уверенной, сия-

ющей невестой, гордо расправив плечи. Эндрю ждал меня под нарядной, украшенной белыми цветами, аркой. Рядом с серебряной венчальной чашей замер священник, сосредоточенно сжимавший в руках массивный талмуд. Мой жених улыбался, и я улыбнулась в ответ, стараясь отогнать навязчивые мысли о незваном госте.

Когда я подошла к жениху, священник начал читать молитву. Я почти не слушала слова, лишь с нетерпением ждала завершения церемонии. Незванный сумасшедший в холле уже начал казаться дурным сном.

Но всё изменилось, когда священник велел нам проколоть пальцы и капнуть кровью в серебряную чашу. Я невольно вздрогнула: процедура была неприятной, а вид крови вызвал легкую дурноту.

Капли упали в воду, и я замерла. Кровь Эндрю тут же растворилась, став невидимой, но моя капля... она вела себя странно. Она не смешивалась с водой, а бешено кружилась в центре чаши, пока вдруг не вспыхнула ярким пламенем и с сухим хлопком не испарилась, оставив лишь тонкую струйку дыма.

— Это еще что за фокусы? — в ужасе спросил Эндрю, и в его голосе я слышала отражение своего собственного испуга.

Священник нахмурился и, смутившись, потребовал еще одну каплю. Я поморщилась — они что, решили меня обескровить? Тем не менее, я протянула другой палец. Мужчина

проколол и его, но на этот раз он капнул кровью не в чашу, а на бумагу. И бумага мгновенно окрасилась в ярко-синий цвет. Магия?

— П-п-простите, — заикаясь, произнес священнослужитель, опасливо косясь на моего дядю, — но этот брак... он не может быть заключен. — Как это не может? Почему?! — взревел дядя Дрез. — Понимаете... похоже, госпожа уже замужем, — едва слышно прошептал священник.

— Ари? — дядя посмотрел на меня подозрительно, и в его глазах мелькнула тень сомнения. — Что всё это значит?

— Я не знаю! — отчаянно выкрикнула я. — Я не выходила замуж! И когда бы? Мне всего восемнадцать! Да кто бы осмелился обвенчать меня без вашего разрешения, пока мне не исполнится двадцать один?

Законы нашего государства были суровы: до полного совершеннолетия, наступающего в возрасте двадцати одного года, я не могла ни распоряжаться наследством, ни вступать в брак без одобрения опекунов. Дядя это понимал, и его гнев сменился озадаченностью. Но тишину разорвал резкий голос со стороны входа:

— Я же сказал: вы замужем, и я — ваш муж! А вы меня даже не дослушали!

Там, в дверях, стоял тот самый безумец.

— Так, идем! — скомандовал дядя. Он схватил меня за руку и повел прочь из зала под ошеломленные взгляды гостей.

За нами следовали Эндрю и незнакомец. Мама попыталась пойти следом, но дядя резким жестом пресек это, давая понять: разговор будет мужским. Правда, с моим участием.

Когда мы оказались в уединенной гостиной, и дядя плотно запер дверь, напряжение стало почти осязаемым. Все расселись по креслам. Дядя Дрез, не теряя времени, перешел к делу:

— Рассказывайте! Кто вы такой и с какой стати заявляете права на мою племянницу?

— Я — лорд Крам Мирстен, и... вот! — мужчина с резким движением протянул дяде свиток.

Пока дядя изучал документ, я не сводила глаз с гостя. Он был старше меня, на вид лет двадцати пяти. Эндрю недавно исполнилось двадцать один, так что этот Крам был опытнее моего жениха. Или... теперь именно он мой муж? Эта мысль отозвалась ледяным холодом в груди. Я попыталась отогнать панику. Нужно разобраться.

Крам тоже искоса поглядывал на меня. Признаться, он был чертовски привлекателен: высокий, широкоплечий, с мускулистым телосложением, которое не могла скрыть даже кожаная куртка. Его светлые выющиеся волосы до плеч и пронизательный серый взгляд придавали ему сходство с благородным воином. Он был одет в коричневую кожу — так обычно одевались всадники драконов. Я видела их лишь издалека, во время парадов, но вблизи этот лорд казался воплощением опасной красоты.

Однако в его взгляде не было тепла. Он смотрел на меня с явным презрением, словно я была досадной помехой на его пути. И это злило меня больше всего.

Дядя дочитал свиток и с тяжелым вздохом свернул его.

— Это катастрофа, — выдохнул он.

— В чем дело? — не выдержала я.

— Ты действительно замужем за этим человеком, — потерянно сообщил дядя.

Глава 3

— Да не выходила я ни за кого замуж! Клянусь вам, это ложь! — мой голос сорвался на высокий, почти истеричный визг.

Я почувствовала, как воздух в гостиной стал тяжелым, почти осязаемым. Эндрю, мой Эндрю, смотрел на меня так, словно видел впервые. Его глаза, обычно теплые и лучистые, сузились, превратившись в две ледяные щели. В этом взгляде не было сочувствия — только холодное, расчетливое подозрение.

— Это не просто слова, Арисания. Это юридический факт, — голос дяди прозвучал глухо.

Он не смотрел на меня. Его внимание было приковано к пожелтевшему пергаменту, который он держал перед собой, словно священную реликвию. Дядя лениво, почти небрежно повел свитком в воздухе, и магические символы на нем на мгновение вспыхнули тусклым янтарным светом.

— Договор был заключен твоим отцом и лордом Эмином Мирстеном. Как я понимаю, твоим отцом?

Последний вопрос предназначался Краму. Я затаила дыхание, ожидая взрыва, протеста, чего угодно. Но Крам лишь молча, едва заметно кивнул. Этот короткий жест ударил меня сильнее, чем если бы он начал кричать.

— Согласно этому документу, — дядя перешел на офи-

циальный, сухой тон, от которого у меня по спине пробежал холодок, — пять лет назад были приняты обязательства. По достижении восемнадцати лет ты, Арисании Артеми, становишься законной супругой лорда Крама Мирстена.

— Да как такое вообще возможно?! — я вскочила с кресла, едва не опрокинув чашку с недопитым чаем. — Отец... он не мог! Он не мог оставить меня в такой ловушке! Это подделка, это фальшивка, это магическая иллюзия!

— Договор скреплен печатью высшего порядка, — мягко, но непреклонно перебил меня дядя. — Магическая печать не поддается подделке. И судя по дате, стоящей под подписью, твой отец заключил его в тот самый день, когда... — он замолчал, подбирая слова, — когда исчез без вести. Думаю, он просто не успел предупредить нас. Он планировал всё уладить сам.

— Хорошо... — я почувствовала, как земля уходит из-под ног. — Допустим. Но ведь... ведь мы можем расторгнуть его? Развестись? Это же просто бумага, пусть и магическая!

В комнате повисла зловещая тишина. Дядя поднял на меня взгляд, полный сочувствия, смешанного с тревогой.

— Можете, — выдохнул он.

Я выдохнула вместе с ним, чувствуя, как внутри на мгновение вспыхивает слабая искра надежды. Но радость была недолгой.

— Однако, — добавил он, и его голос стал еще тяжелее, — есть ряд условий, которые делают этот процесс... крайне

затруднительным.

— Каких условий? — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Я кожей чувствовала, что сейчас последует удар.

— Вы с мужем должны прожить под одной крышей ровно один год. Если за этот срок брак не будет консумирован — то есть, если вы не подтвердите союз физическим союзом — вы получите право подать на развод без осложнений.

— А иначе? — я вцепилась в край стола. В голове лихорадочно крутились варианты, я искала лазейку, хоть какую-то щель в этой тюрьме.

— Иначе, — подал голос Крам. Его голос был низким, лишенным эмоций, как рокот далекого шторма, — вам придется выплатить долг.

— К-какой долг? — заикаясь, выдавила я. Сердце забилось где-то в горле.

— Двадцать тысяч рилов, — бесстрастно уточнил дядя.

Мир вокруг меня на мгновение замер. Цифра ударила в висок, вызывая головокружение. Двадцать тысяч... Это были не просто деньги. Это было состояние и это была цена моей свободы.

— Сколько?! — я почти закричала, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— Двадцать тысяч рилов, — повторил дядя, и в его голосе послышалась горечь. — Именно эту сумму твой отец задолжал лорду Мирстену. Договор был сделкой: либо сын лорда

женится на наследнице Артеми, либо Хьюз Артеми возвращает долг в полном объеме. Судя по всему, он надеялся выплатить его в ближайшее время, поэтому и заключил такой договор втайне от всех. А потом... пропал.

— Но... дядя, — я сделала шаг к нему, хватая за рукав, — вы же можете... ну, взять кредит, занять мне эту сумму? Мы найдем выход, правда?

Дядя лишь печально покалывал головой. Его лицо осунулось, сделав его еще старше. — Нет, Арисания. У меня сейчас нет таких средств. Времена слишком тяжелые, экономика королевства в упадке, и...

— Эндрю! — я обернулась к нему, ища спасения. — Эндрю, может быть, твои родители... они ведь богаты, они смогут помочь нам...

Но Эндрю не поднял глаз. Он смотрел куда-то сквозь меня, на узорчатый ковер, и его лицо казалось высеченным из камня. В этот момент я поняла: просить у него бесполезно. Сумма, которую он не мог даже обсудить, была сопоставима со стоимостью этого роскошного особняка. Мой разум лихорадочно пытался сопоставить факты: как мой отец мог влезть в такие долги? И что за тайны он унес с собой в неизвестность?

Я перевела взгляд на своего "мужа". На человека, который стал моим тюремщиком.

— Крам... — я запнулась, пытаюсь найти в себе остатки достоинства. — Со мной всё понятно, я — заложница обсто-

ательств. Но как *Вы* на это пошли? Зачем Вам этот брак?

Крам лишь тяжело вздохнул. Его взгляд на мгновение пересеклся с моим, и в этой глубине я не увидела ни торжества, ни желания. Только бесконечную, выматывающую усталость.

— Так сложились обстоятельства, — коротко бросил он. Больше он не собирался ничего объяснять.

Похоже, объяснять причины происходящего он не собирался. Не прощаясь, я выхватила из рук дяди договор и, резко развернувшись на каблуках, вылетела из гостиной. Мне нужно было одиночество. Мне нужно было время, чтобы изучить этот проклятый документ и найти в нем хоть какую-то лазейку, хоть крошечную надежду.

Едва за мной закрылась дверь комнаты, я в ярости принялась выдирать из прически шпильки. Фата соскользнула с головы и бесформенной кучей упала на пол. Я рухнула на кровать прямо в свадебном платье, чувствуя, как к горлу подкапывает тяжелый ком. Истерика была на пороге, когда в дверь внезапно постучали.

— Эндрю? — выдохнула я, надеясь, что это он — мой единственный оплот в этом хаосе.

Но за дверью стояла мама. Бледная, осунувшаяся, она выглядела так, будто постарела на десять лет за один вечер.

— Санни, переодевайся! — резко бросила она. — Мы немедленно уезжаем домой.

— Но мама! Почему так внезапно? — я едва не сорвалась

на крик.

— Потому что иначе сейчас разразится грандиозный скандал, — отрезала она. — Пока все пребывают в шоке и переваривают новости, нужно исчезнуть.

Она была права, хотя сама необходимость бежать, словно я совершила преступление, жгла меня изнутри.

— Мне нужно поговорить с Эндрю... — попыталась я возразить, но мама не слушала.

— Поговорите позже. Сейчас — только дорога.

Сборы напоминали лихорадочный сон: горничная в спешке сгребала вещи, я в панике втискивалась в дорожный костюм. Нас ждала старая наемная карета — настолько невзрачная, что мы действительно походили на каких-то нищих мошенников, пытающихся выдать себя за членов семьи Яворски. Мы прибыли сюда на магикате Эндрю, и даже магикат дяди вызывать не стали — ждать его пришлось бы слишком долго.

Всю дорогу я пребывала в оцепенении, тупо глядя в окно. Это было спасением: если бы я заговорила, я бы просто сорвалась на крик. И эта истерика случилась, как только я оказалась в своей комнате.

Заперев дверь на засов, я рухнула на кровать и долго, до изнеможения, рыдала в подушку. Горькая обида жгла сердце. Я злилась на отца, на дядю, на Эндрю и на этого незнакомца, Крама, чье появление разрушило всё.

Внезапный писк почтового артефакта заставил меня

вздогнуть. Сердце забилося чаще: неужели он? И действительно — короткая записка от Эндрю. *«Жду тебя в садовой беседке после полуночи»*. Облегчение накрыло меня теплой волной. Он не бросил меня! Значит, мы что-нибудь придумаем. Мы справимся.

Страхнув слезы, я заставила себя сесть за стол и развернуть свиток. Весь вечер я изучала договор, вчитываясь в каждую букву, почти заучивая его наизусть, но лазейки не было. В нем не было спасения. Взять в долг, чтобы закрыть отцовский позор, было негде. Самое унижительное, что восемнадцатилетней девчонке не доверил бы кредит даже самый захолустный банк. И продать мне было нечего... кроме... Нет, нельзя даже допустить эту мысль!

Глава 4

Как только сумерки окончательно поглотили поместье, я выбралась через черный ход, предназначенный для слуг. Этот путь был мне до боли знаком: с самого подросткового возраста ночной сад служил мне убежищем. В те времена я с упоением воображала себя то бесстрашным разведчиком, пробирающимся сквозь вражеские ряды, то таинственной ночной феей, чей полет не виден глазу.

Магия была моей спутницей, но, увы, очень слабой. Моих способностей едва хватало на то, чтобы поддерживать крошечный магический светлячок. Этот тусклый огонек был моим единственным проводником, помогавшим не растянуться на садовой дорожке, споткнувшись о коварные корни вековых деревьев.

Беседка в дальнем углу сада была окутана мягким сиянием. Светильник внутри нее горел неярко, но этого было достаточно, чтобы в полумраке различить силуэт мужчины, терпеливо ожидавшего меня. Сердце пропустило удар. Я выскочила из тени деревьев и, не сдерживаясь, бросилась на шею Эндрю, вцепляясь в него изо всех сил.

— Ари? — он вздрогнул и отстранился, пытаясь разглядеть меня в полумраке. — Боги, на кого ты похожа?

Его слова были справедливы. Мой наряд был, мягко говоря, неприличным для леди: грубые темные мужские штаны

и такая же темная рубашка, скрывающая фигуру. Даже светлые волосы я спрятала под темный платок. Весь мой облик был продуман так, чтобы в ночной тени я сливалась с окружающим мраком.

— Эндрю! — воскликнула я, и мой голос дрогнул от переполнявших меня чувств. — Как хорошо, что ты пришел! Ты даже не представляешь, что я чувствую... Это ужасно! Как такое вообще могло произойти? Папа... он ведь не мог так поступить со мной! Он же любил меня!

Слова вырывались из меня потоком, и я не успела сдержать слезы — они жгучими дорожками покатились по щекам.

— Тихо, тихо, любимая, — прошептал Эндрю, притягивая меня к себе. Его губы нежно покрывали мое лицо, стирая соленые капли. — Мы что-нибудь обязательно придумаем. Обещаю.

— И дядя! — я продолжала выплескивать накопленную горечь. — Он просто отказался выплатить папин долг! Ведь одним этим решением он мог бы аннулировать этот проклятый брак!

— Это огромная сумма, Ари, — возразил Эндрю, и в его голосе прозвучала тревога. — Видимо, у него просто нет таких средств.

— Он мог бы взять кредит, в конце концов! Неужели племянница для него ничего не стоит? — я почти кричала от возмущения вероломством родственника.

— Ари, Ари, успокойся! — Эндрю мягко, но настойчиво взял меня за плечи. — Сядь и просто послушай меня.

Я всхланпнула, чувствуя, как дрожат колени, и опустилась на скамью внутри беседки. Он сел рядом, обняв меня за плечи, создавая подобие защитного кокона.

— Послушай, — его голос стал серьезным. — Завтра мне нужно уехать, пора возвращаться в Академию. Но ты... ты можешь поехать со мной.

— К-к-как?... — я ошарашенно уставилась на него, не веря собственным ушам. — Что я там буду делать? Сбежать? Дядя и матушка никогда не отпустят меня!

— Ты сбежишь со мной. Ты поступишь в Академию, и там тебя не найдут — это закрытое учреждение, защищенное магическими барьерами. А потом мы найдем способ аннулировать брак. Главное — мы будем вместе. Возможно, твой муж сам захочет развода, когда узнает, что его жена принадлежит другому.

— Я... я не знаю, Эндрю. Мои родные не простят мне этого. Это же позор — жить с мужчиной, который тебе не муж.

— Так они и не узнают! — он подался вперед, в его глазах горела решимость. — Главное — уехать как можно дальше. К тому же, в Академии тебя поселят в женском общежитии, как только оформят документы.

Сомнения грызли меня изнутри. Это был не просто риск, это был прыжок в бездну.

— А как я поступлю? — мой голос сорвался на шепот. —

Мои способности ничтожны, я не пройду испытания. Разве что на платное отделение, но дядя не даст мне денег на обучение.

— На целительский факультет берут даже тех, у кого совсем слабый дар, — возразил Эндрю, а затем тяжело вздохнул. — Завтра вечером отплывает корабль. Я буду ждать тебя в порту, у третьего причала. А теперь мне пора, прости, милая. Нужно закончить дела перед отъездом.

Он нежно коснулся моих губ коротким поцелуем и добавил:

— Жду тебя завтра. Не опаздывай!

С этими словами он растворился в ночной тени, оставив меня наедине с ледяным одиночеством и бурей мыслей. Всю ночь я металась по своей комнате. Идея побега казалась безумием: бросить семью, бежать в неизвестность, да еще и в таком постыдном положении... А если не бежать? Неужели меня действительно отдадут за этого странного, пугающего человека?

Утро встретило меня не покоем, а резким стуком в дверь.

— Леди Арисания! — голос горничной прозвучал тревожно. — Ваш дядюшка просил передать, что ждет вас в кабинете. Срочно.

— Что?! — я едва не подпрыгнула на кровати. — В такую рань? Который час?

— Уже почти полдень, леди, — ошарашила меня служанка.

Я вскочила, чувствуя, как внутри нарастает дурное предчувствие. После спешного приведения себя в порядок, я направилась в кабинет дяди. Сердце колотилось о ребра, когда я постучала и, получив разрешение, вошла.

— Вы меня звали? — спросила я, стараясь сохранить самообладание.

— Да, Арисания, — дядя выглядел постаревшим на десять лет. — Я пришел к выводу, что тебе необходимо в ближайшее время отправиться в поместье Мирстенов.

— Зачем? — растерянно переспросила я.

— Крам Мирстен теперь твой муж. Но... ты сможешь добиться развода, если проживешь с ним под одной крышей год и... в общем, если брак не будет подтвержден.

— Вы меня просто сплавляете? — мой голос дрожал от подступающей истерики. — Как ненужный, балласт, который тянет нас ко дну?

— Ари, — дядя поморщился, — не говори глупостей. Никто тебя не сплавляет. Но другого выхода нет. У нас нет возможности выплатить требуемую ими сумму.

— Разве мы нищие? — я замерла.

Я никогда не интересовалась нашими финансами, не знала, откуда берутся деньги, но всегда была уверена: на всё необходимое средств хватает. Дядя никогда не отказывал мне в платьях или мелочах.

— Ари, — он тяжело вздохнул, — эта сумма настолько огромна, что я пойду по миру, если попытаюсь ее собрать.

Всё, возражения не принимаются. Собирай вещи. Послезавтра ты уезжаешь в дом Мирстенов.

— И где же это? — я почувствовала, как холод пробежал по спине.

— На западе. В Орхейме, — отрезал он.

— Что?! — я не удержалась от вскрика. — Это же на другом конце страны! Я окажусь в изоляции! Я не увижу ни маму, ни Софи... Я буду там совсем одна!

— Ари! — строго оборвал меня дядя. — Ты будешь не одна, а с мужем, его родней и целой армией прислуги! Если хочешь, я отправлю с тобой твою служанку. Как ее там... Сталия?

— Стания, — поправила я, чувствуя, как к горлу подкапывает комок.

Поняв, что разговор окончен и моя судьба решена без моего участия, я развернулась и, с грохотом захлопнув дверь, бросилась в свою спальню, едва сдерживая рыдания.

Глава 5

Разговор с дядей стал той самой последней каплей, после которой я решилась на отчаянный шаг. План созрел мгновенно: нужно бежать. Бежать из этого дома, пока меня не отправили на край света, к этому... мужу. Стоит мне лишь вспомнить его взгляд — полный ледяного презрения и едва скрытой неприязни, — как по коже пробегает липкий холод.

«В конце концов, — убеждала я себя, пытаюсь унять дрожь в руках, — я буду с Эндрю. Рядом с ним я буду как за каменной стеной».

План был прост и дерзок: к вечеру я должна быть в порту, у третьего причала.

Выпроводив горничную, я в лихорадочной спешке принялась сгребать вещи в большую дорожную сумку. Сборы напоминали хаос. Много не помещалось, пришлось выбирать: пара нарядов, кое-какое белье... Я никогда не собиралась в самостоятельное путешествие и совершенно не представляла, что нужно брать с собой. С ужасом я осознала, что мой «багаж» весит целую тонну, и не представляла, как смогу тащить эту ношу на себе. К тому же, кошелек мой был пуст: лишь горстка мелочи случайно завалялась в сумочке, ею я могла оплатить только дорогу до порта.

Я замерла над сумкой, которая никак не желала застегиваться, когда в дверь резко постучали.

— Санни! — раздался мамин голос. — Я пришла поговорить.

Я тяжело вздохнула и, не придумав ничего лучше, пинком задвинула сумку под кровать.

— Входи, — выдохнула я, открывая дверь.

— Милая, нам просто необходимо пообщаться! — матушка буквально вплыла в комнату и, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски устроилась в кресле, жестом приказав мне сесть напротив и внимательно слушать «взрослых».

Я не изящно, а скорее обреченно рухнула в соседнее кресло. Матушка водрузила на столик изящную коробочку.

— Детка, я понимаю, как ты разочарована, — начала она, и в её голосе проскользнула тень сочувствия. — Но у нас нет иного выхода. Тебе придется поехать в Орхейм, к Мирстенам.

Я закатила глаза к потолку, чувствуя, как внутри закипает протест.

— Мама, ты именно об этом хотела поговорить?

— Не совсем, — загадочно прищурилась она. — Ты ведь знаешь главное условие для развода?

— Да, дядя ясно дал понять: если за год под одной крышей брак не будет подтвержден... — я заговорила нудным, монотонным голосом, стараясь скрыть раздражение. — Я ведь правильно поняла, что мне не стоит впускать этого человека в мою постель?

Матушка неловко кхекнула, явно не ожидая такой прямо-

линейности.

— Ну... в целом, да. Собственно, поэтому я и пришла.

Она раскрыла крышку коробочки. Внутри, в мягком бархате, покоились несколько крошечных стеклянных пузырьков с разноцветными жидкостями.

— Это что? Яд? — я попыталась усмехнуться, хотя сердце забилось быстрее. — Мне нужно подсыпать его мужу или выпить самой?

— Не драматизируй, — отмахнулся мама. — Это сильное снотворное. Пара капель в бокал — и он спит без задних ног. А вот это — слабительное. Эффект мгновенный, и противник будет выведен из строя надолго.

Я усмехнулась про себя. Полагать, что с этим набором я смогу избежать супружеских обязанностей целый год, было наивно, но в моменты отчаяния такие средства казались бесценными.

Дальше всё превратилось в невнятный гул. Мама говорила о том, как мужчины ненавидят женские истерики, о тяжелой доле женщины, о судьбе, которая порой поворачивается к нам спиной... Я не слушала. Мой взгляд метался: то на настенные часы, то в окно, где солнце, словно в замедленной съемке, неумолимо катилось к закату. Время уходило. Корабль Эндрю не будет ждать.

Внезапно меня осенило.

— Мама! — я прервала её тираду. — Я хочу заскочить к Софи. Хочу попрощаться, вдруг потом не получится. Можно

мне взять магикат?

Моя сестра, выпускница факультета Иллюзий, обладала мощным даром и теперь жила своей, отдельной от нашего дома жизнью.

— Конечно, милая, — вздохнула мама. — Но магикат сегодня не взять: на нем уехал дядя Дрез, и вернется он поздно. Можешь поехать завтра или взять обычную карету.

Я стиснула зубы. На обычной карете можно и не успеть. Магикат на магической тяге был в разы быстрее, и именно он давал мне шанс прибыть вовремя. Но спорить было бесполезно.

Сразу после ухода матери я, с помощью горничной, в бешеном темпе переоделась в дорожное платье. Схватив сумку и не забыв закинуть в неё «подарок» от мамы, я выскочила во двор. Карета уже ждала. — В порт! — крикнула я извозчику, запрыгивая на сиденье.

Мужчина опешил:

— Но леди Артеми велела везти вас совсем в другую сторону...

— В порт! Мама перепутала! — отрезала я.

Извозчик лишь неохотно пожал плечами и поплелся по улицам с такой невыносимой медлительностью, что я закрипела зубами.

— Быстрее! — умоляла я, когда городские улицы превратились в затор.

— Я и так быстро еду, леди! Это вам не магикат! — ворчал

он в ответ.

В какой-то момент карета замерла окончательно. Я выглянула наружу: впереди, перегородив дорогу, застряла сломанная повозка, и за ней уже выстроилась бесконечная очередь из транспорта.

— Объезжайте! — воскликнула я.

— Некуда, — обреченно бросил кучер. — Сзади нас тоже заперли.

Казалось, мы застряли в этой пробке на вечность. Я была готова выпрыгнуть из кареты и бежать пешком, бросив всё, лишь бы успеть. И вот, когда надежда почти угасла, дорогу наконец расчистили.

Когда мы подкатили к третьему причалу, солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Издалека я увидела его. Крепкая фигура Эндрю, уверенно ступающая по трапу корабля.

— Эндрю! — закричала я, срывая голос.

Но мой крик утонул в грохоте порта: криках грузчиков, ржании лошадей, грохоте бочек и команд матросов. Корабль, на мой взгляд, непозволительно быстро начал отходить от берега. Карета остановилась у пустого причала.

Я выскочила наружу, сделала несколько нелепых, отчаянных шагов к самому краю причала и рухнула на колени прямо на холодный, мокрый деревянный настил. Тело сотрясала крупная дрожь, а из глаз не выходило слёз — только беззвучные, горькие рыдания.

Всё кончено.

Глава 6

Я не знаю, сколько еще мне пришлось бы просидеть на этом грязном, ледяном деревянном настиле, если бы не извозчик. Он подошел, осторожно подхватил меня под локти, помогая подняться, и мягко завел в карету. Судя по тому, куда он направился, он всё же помнил наказ матушки. Наш путь лежал к скромному домику, где жила Софи.

Сестра вышла замуж за Эрика — человека не самого богатого, но обладающего светлой душой и многообещающим магическим даром. Их жизнь была лишена роскоши, но наполнена тем, чего мне так не хватало: искренней нежности. Эрик обожал свою жену, и она отвечала ему тем же. Сейчас они лишь арендовали этот уютный уголок, надеясь, что карьера Эрика позволит им со временем выкупить дом и расширить свое скромное хозяйство.

— Ари! — вскрикнула Софи, едва заведя меня.

Она выбежала на крыльцо, и её лицо исказилось от испуга, когда она увидела меня: помятую, растрепанную, с глазами, полными отчаяния. Она подбежала, подхватила меня под руку и поспешила в дом, словно пытаясь укрыть от всего мира. Извозчик, оставив мою сумку в холле, быстро попрощался и скрылся в сумерках.

В гостиной Софи усадила меня на диван и вскоре вернулась с большой чашкой дымящегося напитка. — Что это? —

спросила я, не в силах унять дрожь в пальцах. Аромат был манящим: смесь специй, ягод и чего-то терпкого, но в глубине запаха угадывалось что-то лекарственное.

— Глинтвейн, — пояснила сестра, — с капелькой успокоительной настойки. Пей, не раздумывая!

Я выпила почти залпом. Тепло медленно растекалось по венам, унимая внутренний холод. Когда дрожь наконец отступила, сестра посмотрела на меня — ласково, но с той самой непреклонной твердостью, которая не допускала лжи.

— Рассказывай.

И я выплеснула всё. Сбивчиво, захлебываясь словами, я поведала о сорвавшемся побеге, о страхе и одиночестве. Мы с Софи всегда были единым целым; если и был человек, способный понять всю мою боль, то только она. Она слушала, крепко сжимая мои согревающиеся ладони.

— Ты думаешь, Эндрю решил, что ты не хочешь с ним ехать? — тихо уточнила она.

— Я в этом уверена! — я едва не всхлипнул от горечи. — Софи, я такая дура! Не нужно было медлить, не нужно было сомневаться. Нужно было бежать за ним сразу, в эту его Академию! Лучше быть с Эндрю в Академии, чем ехать в неизвестность к чужим людям.

— Ты доверяешь ему?

Я поперхнулась:

— Эндрю? Конечно! Он мой жених... ну, был. Если бы не эта идиотская история, он уже был бы моим мужем! Ты ведь

доверяешь Эрику беспрекословно?

— Это да... — Софи задумчиво прищурилась. — Ну хорошо, раз так, я думаю, выход есть.

— Какой? — я в ужасе округлила глаза. — У вас нет денег на выплату долга, а дядя не даст ни медного гроша! А Эндрю уже далеко.

— Ты можешь поехать вслед за ним, — просто сказала она.

— Сама? Но как? У меня нет даже средств на дорогу!

— Ты уже достаточно взрослая, чтобы добраться до Академии самостоятельно. Путь не слишком долгий. Денег я тебе найду.

— А меня примут? — в моем голосе прозвучало сомнение.

— Не попробуешь — не узнаешь, — пожала плечами сестра. — Не получится — вернешься. Я дам тебе денег и на дорогу, и на обратный путь, на всякий случай.

— Мама тебя убьет! — обреченно простонала я. — А дядя Дрез еще и над моим трупом поглумится.

— А мы и не скажем им, что я приложила к этому руку, — Софи едва заметно усмехнулась.

В ту ночь мы начали разрабатывать план. Софи методично перерыла мою сумку, выбрасывая всё, что казалось ей лишним.

— Ари, ну зачем тебе бальное платье? — удивлялась она. — Оно весит как лошадь и занимает уйму места. Где ты его

в пути носить будешь?

— А что тогда брать? — растерянно спросила я.

— Практичную одежду. Удобную обувь, в которой можно пройти достаточно много и не свалиться с ног. Мыло, расческу, плащ...

В итоге содержимое моей сумки преобразилось: вместо шелка и кружев там теперь лежали полезные мелочи, запас еды и фляга с водой.

— Завтра утром я посажу тебя на корабль, идущий в сторону Академии, — пообещала сестра. — А пока — спать.

— А мама? Что ты ей скажешь? — я переживала за сестру.

Софи лишь загадочно улыбнулась и изложила мне свой план.

Утро выдалось туманным. Из дома Софи вышли две фигуры: я и невысокая, полноватая девушка в огромных очках. Она выглядела невзрачно, даже немного пугающе, в своей скромной серой шляпке и с тяжелой черной сумкой в руках. Я, Арисания Артеми, проводила «подругу» до порта. Когда она поднялась на борт корабля, я помахала ей рукой и отправилась гулять по городу. Я забрела на рынок, где так яростно торговалась с лавочниками, что меня запомнили все вокруг.

На самом деле, конечно, это была не я. Софи, мастер иллюзий, наложила на меня облик этой невзрачной брюнетки, закрепив чары с помощью магического кулона. Сама же она приняла мой облик, чтобы, посадив меня на корабль, отправиться гулять по городу, запутывая следы.

Эрик, хоть и ворчал, что мы втягиваем его в авантюру, помог нам с документами.

— Если не приглядываться, подделку не отличить, — предупреждал он. — Но сильный маг сразу почует подвох. Так что не свети ими.

Теперь по бумагам я значилась как Арина Иметра. Имя Арина легко сокращалось до привычного «Ари», а фамилия была лишь моей собственной, записанной задом наперед.

Как я узнала уже гораздо позже, мою пропажу обнаружили к вечеру. Когда разъяренные мама и дядя ворвались к Софи, та встретила их с удивленным видом. Она честно заявила, что я была у неё, но утром ушла с подругой и где я сейчас — понятия не имеет. И это была чистая правда. Я действительно была у неё. Я действительно ушла с подругой, которая по совместительству была моей сестрой. А где именно сейчас находится корабль, уносящий меня в неизвестность, она не знала.

Глава 7

— Ирибаден! — громко объявил мужчина в синей униформе, остановившись посреди палубы так уверенно, будто именно он лично доставил корабль к пристани. — Прибудем через десять минут! Пассажирам, покидающим наш корабль, желаем удачи и надеемся еще не раз увидеть вас у нас на борту. Приготовьтесь к выходу, пожалуйста!

Я тут же подскочила со скамьи, на которой до этого смиренно сидела, и встала на цыпочки, пытаясь достать с верхней полки свою необъятную сумку.

Сумка, конечно, слегка похудела после того, как Софи навела в ней суровую ревизию и безжалостно выложила все, что сочла «лишним». Но мне, непривычной таскать такую ношу, она по-прежнему казалась неподъемной. Особенно сейчас, когда корабль чуть покачивало, вокруг суетились пассажиры, а я изо всех сил старалась не выглядеть человеком, который вот-вот рухнет под собственным багажом.

— Девушка, вам помочь? — спросил мужчина средних лет в строгом черном костюме.

Я замерла, одной рукой вцепившись в ремень сумки, другой — в край полки. Предложение было заманчивым. Очень. Но еще вчера Софи, провожая меня, строго сказала, что в незнакомом городе нельзя принимать помощь от кого попало, особенно если эта помощь выглядит слишком своевре-

менной.

Я заколебалась, а потом смущенно произнесла:

— Простите, мне... нечем заплатить.

Мужчина сначала удивился, потом улыбнулся — не насмешливо, а как-то даже по-доброму.

— Девушка, я просто хочу помочь вам. Вижу же, что сумка тяжелая, а вы такая...

Он осекся.

Наверное, собирался сказать что-нибудь про хрупкость. Но на мне была иллюзия довольно полненькой и немного страшенькой девушки, а потому слово «хрупкая» явно не желало срываться с языка. Мужчина кашлянул, быстро перестроился и закончил:

— В-общем, я все равно налегке. Давайте помогу хотя бы до экипажа дойти. Вас кто-нибудь встречает?

Я уже почти честно сказала, что никто меня не встречает, но вовремя прикусила язык. А вдруг у него вовсе не благородные намерения? Вдруг он только и ждет, чтобы выяснить, что я одна, без защиты и с сумкой, в которой, к сожалению, нет ничего ценного?

— Да, родственники! — бодро соврала я.

А вот пусть не думает, что я одна и незащищена. Пусть представляет себе толпу кузенов, дядюшек и, желательно, парочку суровых тетушек с тяжелыми зонтиками.

Мужчина понятиво кивнул и больше ни о чем не спрашивал. Легко подхватил мою сумку, которая лично мне

казалась совершенно неподъемной, и помог спуститься с корабля на причал.

На причале царил настоящий хаос. Люди обнимались, спорили с носильщиками, звали друг друга, ругали погоду, багаж, портовые сборы и, кажется, саму идею путешествий. Воздух пах мокрым деревом, рекой, лошадьми, рыбой и свежей выпечкой из лавки у ворот. После долгой дороги все это одновременно кружило голову и пугало.

Конечно, никто меня не встречал.

Я поблагодарила мужчину, схватила сумку и радостно помахала толпе встречающих, среди которых, разумеется, не было ни единого знакомого лица.

— А, вот и мой кузен! Всего доброго! — сказала я помогшему мне мужчине и, подхватив свою ношу, как можно быстрее потелепалась в сторону толпы.

Идти быстро с такой сумкой было невозможно. Сумка билась о ногу, ремень впивался в плечо, а я старалась сохранять выражение лица человека, который точно знает, куда идет. На самом деле я знала только одно: мне нужно попасть в Академию магии. Желательно сегодня, потому что ночевать мне было негде и не на что.

Поймать наемный экипаж, чтобы доехать до Академии, находившейся на окраине города, оказалось непросто. Свободных карет возле причала не было: все они уже были заняты многочисленными встречающими, а самые расторопные пассажиры, похоже, успели договориться еще до прибытия

корабля.

Лишь выйдя из порта, я заметила несколько наемных карет, которые не стали заезжать на территорию причала. И это было понятно: проезд туда платный, места мало, а желающих ругаться с портовой стражей, судя по всему, еще меньше.

— В Академию магии довезете? — спросила я мужичка, управлявшего открытой каретой с запряженной в нее хиленькой лошадкой.

Лошадка выглядела так, будто тоже не была уверена, что хочет в Академию. Или вообще куда-либо ехать.

Извозчик смерил меня изучающим взглядом. Видимо, оценивал не только платежеспособность, но и степень отчаяния. К сожалению, со вторым у меня все было слишком очевидно.

— Довезу, — сказал он наконец. — За двенадцать риалонов.

— Сколько? — возмутилась я. — Да это же грабеж среди белого дня!

Я понятия не имела, насколько это была адекватная сумма, потому что сама никогда экипажи не нанимала. Но я прекрасно знала, какой суммой располагаю, и подозревала, что одна такая поездка способна весьма существенно опустошить мой и без того довольно тощий кошелек.

Извозчик только пожал плечами:

— Академия далеко. Дорога в гору. Лошадь кормить надо.

Лошадь, услышав это, печально мотнула головой, будто тоже была не в восторге от собственного рациона.

— Девушка, вы до Академии магии? — послышался рядом мужской голос.

Я оглянулась. Неподалеку стоял полноватый седой мужчина в добротном дорожном плаще. За локоть его держалась худенькая бледная блондинка примерно моих лет. Она выглядела усталой, но смотрела внимательно и спокойно.

— Д-д-да, — растерянно ответила я.

— Мы тоже туда, — пояснила девушка. — Можем разделить сумму на троих. Если вы не против, конечно.

Я была только за. Настолько за, что едва не согласилась слишком поспешно, но вовремя вспомнила о достоинстве и просто кивнула.

Извозчик, запросивший у меня двенадцать риалонов, недовольно скрипнул зубами, однако спорить не стал. Видимо, деньги деньгами, а три пассажира все равно лучше, чем одна упрямая девушка, готовая торговаться до наступления темноты.

Моя сумка оказалась сущей мелочью по сравнению с чемоданами, которые загрузили в карету мои попутчики. Я отсчитала четыре риалона и отдала их извозчику, уже получившему остальную часть платы с мужчины. После этого мы наконец устроились в карете и тронулись.

Ирибаден встретил нас шумом, теснотой и непривычной шириной улиц. Дома здесь были выше, чем в нашем город-

ке, вывески ярче, прохожие спешили так, будто опаздывали сразу в три места. По мостовой стучали колеса, где-то звенели колокольчики лавочника, а из открытых дверей булочной тянуло сладким тестом.

— Меня зовут Олейна, — представилась девушка, решив, что теперь, когда мы уже едем, самое время познакомиться с попутчицей. — А это мой папа, господин Борги.

Господин Борги приветственно склонил голову.

— Меня зовут Арис... Арина, — ответила я и тут же мысленно обругала себя за заминку. — Вы тоже едете в Академию? Поступить?

— Я уже поступила, — сказала Олейна. — На целительский факультет. Ездила домой за вещами. Ты... может быть, мы уже будем на «ты»? Нам, по-видимому, учиться вместе.

Я согласилась. Мы с Олейной были ровесницами, и, если судьба проявит хотя бы каплю милосердия, могли оказаться одноклассницами. Да и лишние церемонии сейчас казались такой роскошью, на которую у меня не было сил.

— Ты на какой факультет поступила? — спросила Олейна.

— Я еще не поступила, — вздохнула я. — Еду поступать.

— Ой, — воскликнула она и сразу смутилась. — Прости. Просто... не поздно ли? Боюсь, набор уже закончился.

— Не знаю, — призналась я, чувствуя, как внутри неприятно холодеет. — Попробую. Вдруг успею.

Говорить о том, что, если я не поступлю, мне будет попро-

сту некуда деваться, я не стала. Как не стала рассказывать и о том, что возвращение домой означает новую ловушку: дорогу в чужие края к новоявленному мужу, которого я видела всего один раз в жизни и больше видеть не хотела бы никогда.

— В Академии строго, — тихо сказала Олейна, то ли предупреждая, то ли поддерживая разговор. — Но интересно. И красиво. Ты увидишь.

Я кивнула и сильнее сжала в руках край перчатки. Мне хотелось верить, что я действительно увижу Академию изнутри не как случайная просительница, опоздавшая ко всем срокам, а как студентка.

Когда мы наконец прибыли к воротам Академии, там уже толпилась куча народу. Кто-то прощался с родителями, кто-то ругался с носильщиками, кто-то сверял документы, а кто-то просто стоял посреди дороги с таким лицом, будто уже пожалел о своем выборе.

Сама Академия поднималась за коваными воротами огромным светло-серым зданием с башнями, арками и высокими окнами. По стенам местами тянулись тонкие серебристые линии защитных чар, едва заметные на солнце. От них исходило слабое мерцание, и у меня на мгновение перехватило дыхание.

Вот она. Моя надежда.

Из дорогущего магиката, припарковавшегося неподалеку, выскочила стройная блондинка в модном костюме. Ткань на

ней переливалась, а выражение лица ясно сообщало: окружающие занимают слишком много места в ее мире.

— Посторонитесь! Чего встали посреди дороги? — возмущенно рывкнула она и, распахивая нас локтями, начала пробираться к воротам. — Понаедут тут всякие!

Мы с Олейной лишь переглянулись.

— Добро пожаловать, — с усмешкой сказала она.

Я невольно фыркнула.

— Приемная комиссия в правом крыле, — пояснила моя попутчица уже серьезнее. — Если хочешь, можешь оставить сумку в моей комнате, чтобы не таскаться с ней по всей Академии.

Я подумала и согласилась. В конце концов, неизвестно, сколько мне еще придется ходить и где ждать, а делать это налегке гораздо приятнее. К тому же Олейна не вызывала у меня тревоги. Может, это было наивно, но сейчас мне отчаянно хотелось хоть кому-нибудь довериться.

Мы отнесли сумку в общежитие. Комната Олейны оказалась маленькой, но светлой: две кровати, два стола, узкий шкаф и окно, выходившее во внутренний двор, где росли старые липы. На одном столе уже лежали учебники, аккуратно перевязанные лентой, на другом стояла пустая чернильница.

Я оставила сумку у стены, достала свои документы с наложенной Эриком иллюзией и отправилась искать приемную комиссию.

Честно говоря, сначала очень хотелось найти Эндрю. Увидеть знакомое лицо, услышать хоть одно уверенное «все будет хорошо». Но я решила, что это успеется. Сначала документы. Сначала попытка стать здесь не беглянкой, а студенткой.

К счастью, по всей Академии висели указатели, и, несколько раз свернув не туда, я все-таки добралась до нужного кабинета. Перед дверью с табличкой «Приемная комиссия» сидели еще двое абитуриентов. Один нервно перечитывал какие-то бумаги, вторая шепотом повторяла заклинание и сбивалась на каждом третьем слове.

Моя очередь подошла слишком быстро.

— Куда вы хотели поступить? — удивленно воззрилась на меня женщина, восседавшая за столом в кабинете.

Женщина была сухая, прямая, с идеально уложенными волосами и таким взглядом, от которого хотелось немедленно признаться во всех грехах, включая те, которых я не совершала.

— На целительский факультет, — сказала я и протянула документы.

Она даже не сразу их взяла.

— На целительский набор уже закончен. Раньше надо было приезжать, девушка. Мы еще набираем боевиков, но вы... — женщина окинула меня взглядом поверх очков, — девушка. Да и требования к магическому потенциалу там довольно высокие.

— Нет, туда я не пройду, — уныло сказала я и почувствовала, как плечи сами собой опускаются. — Что же мне теперь делать? Неужели возвращаться домой?

Дама равнодушно пожала плечами. Мол, что хотите, то и делайте, ей до этого нет никакого дела. Для нее я была всего лишь очередной опоздавшей девицей с неправильно выбранным временем прибытия.

А для меня в этот миг весь огромный Ирибаден, Академия с ее башнями и даже светлый двор с липами будто разом отодвинулись куда-то далеко.

Оставалась только мысль: я не могу вернуться. Не могу.

Глава 8

— Астания, — обратился к женщине из приемной комиссии мужчина с проседью на висках, заходя в кабинет. — На всадников так никого и нет? У нас недобор.

Я невольно подняла голову.

Всадники?

Женщина за столом тяжело вздохнула, будто недобор на каком-то факультете был ее личной обидой.

— Нет. Хотя... — она вдруг посмотрела на меня, и в ее взгляде мелькнула почти хищная деловитость. — Вот девушка. Она на целительский хотела, но не успела. Может, к вам согласится?

Я замерла.

Мужчина перевел на меня взгляд. Сомнение в нем было таким явным, что я даже обидеться не успела. Скорее захотелось встать ровнее, втянуть живот и сделать вид, что я, конечно, только и мечтала оказаться на факультете, о котором пять минут назад вообще не думала.

— Девушка? — переспросил он.

Потом, видимо вспомнив о вежливости, чуть склонил голову.

— Профессор Арнед Дилани. Декан факультета всадников. Вы не хотели бы попробовать поступить к нам?

— Всадников? — Я удивленно уставилась на него. — То

есть... я правильно понимаю, речь идет о драконьих всадниках?

— Абсолютно верно, — подтвердил он мои худшие догадки.

Ну конечно. Куда же еще можно отправить девушку, которая всего лишь мечтала тихо учиться на целительском факультете, лечить царапины, варить отвары и не привлекать к себе лишнего внимания? Разумеется, к драконам.

— Но как же... — растерялась я.

Я хотела сказать, что никогда не сидела верхом ни на ком крупнее соседского пони. Что драконов видела только издаля. Но затем я взглянула на Астанию и поняла: это мой единственный шанс.

Либо попробовать поступить на факультет всадников, либо возвращаться домой несолоно хлебавши. А дома меня ждали вовсе не теплый прием и пироги, а ловушка, из которой я так отчаянно пыталась выбраться.

Я медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте попробую.

— Документы, — тут же оживилась Астания.

Я протянула ей бумаги. Женщина раскрыла свидетельство и громко прочла:

— Арина Иметра, восемнадцать лет.

Сердце ухнуло куда-то в пятки.

Я вдруг вспомнила предупреждение Эрика: если мои документы начнут внимательно изучать, иллюзию на них мож-

но заметить. Особенно если изучать будет не равнодушная служащая приемной комиссии, а кто-нибудь с достаточно высоким уровнем магии.

К счастью, Астания ничего внимательно рассматривать не стала. Присутствие декана, стоявшего над душой, явно заставило ее действовать быстрее обычного. Она внесла мое имя в ведомость, поставила отметку, вернула бумаги и махнула рукой в сторону соседней двери.

— Проходите на собеседование.

Профессор Дилани открыл дверь, пропуская меня вперед. Я послушно вошла в соседний кабинет и села на стул у большого рабочего стола.

Кабинет декана был просторным, строгим и совсем не похожим на место, где принимают отчаявшихся абитуриентов. На стенах висели карты горных хребтов, схемы летных маршрутов и несколько потемневших от времени седел. На отдельной стойке лежал шлем, покрытый царапинами. Настоящий. Боевой. Такой, который явно не для красоты выставляли.

Я сглотнула.

Профессор Дилани устроился в высоком кресле напротив, достал из ящика хрустальный шар и поставил его передо мной.

— Положите руку.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Измерим ваш магический потенциал.

Я положила ладонь на холодную гладкую поверхность.

Шар едва заметно засветился голубоватым светом. Так робко, будто сам стеснялся своего результата.

Декан посмотрел на него, потом на меня. Вздохнул.

— Слабовато, конечно.

Я почувствовала, как щеки заливает жаром.

— Для нашего факультета огромный магический резерв не обязателен, — продолжил он, явно стараясь звучать мягче. — Но даже так... не знаю.

Он сомневался. Это было видно по тому, как он постучал пальцами по столешнице и снова взглянул на шар, словно тот мог передумать и засветиться ярче.

Я сидела тихо, боясь лишним словом разрушить последнюю возможность.

— Дайте-ка сюда ваши документы, — сказал он наконец. Вот теперь я похолодела по-настоящему.

Что-то подсказывало: лорд Дилани обладает достаточным магическим уровнем, чтобы с легкостью распознать иллюзию. А если он ее заметит, все закончится здесь и сейчас. Не будет ни целительского факультета, ни всадников, ни Академии. Будет разоблачение, вопросы и дорога обратно туда, куда я возвращаться не могла.

Дрожащей рукой я протянула ему бумаги, морально готовясь к провалу.

И в этот самый момент за дверью что-то грохнуло.

Потом раздался короткий стук, больше похожий на удар

локтем, и дверь распахнулась, не дожидаясь разрешения.

На пороге появился долговязый взъерошенный парень. Волосы у него торчали во все стороны, мантия висела криво, а лицо выражало такой ужас, будто за ним гналась вся экзаменационная комиссия разом.

— Господин декан! — выпалил он. — У нас проблема!

Проблема вбежала в кабинет у него между ног.

Я моргнула.

Потом еще раз.

По полу с невероятной скоростью неслось... яйцо.

Большое, размером со среднюю супницу. Белесая скорлупа была покрыта рыжеватыми прожилками, а снизу из нее торчали две крошечные лапки. Яйцо мчалось куда глаза глядят. Правда, глаз у яйца не было, поэтому направление оно выбирало исключительно по вдохновению и в панике.

— Стой! — завопил парень, бросаясь следом.

Яйцо резко свернуло, чуть не врезалось в ножку стола, отскочило от ковра, понеслось к шкафу, передумало и на полной скорости влетело в мой стул.

Раздался хруст.

Я подпрыгнула.

Скорлупа сверху треснула, и из нее высунулась голова. Красная, мокрая, покрытая слизью, с выпученными от страха глазенками. Огромными, темными и совершенно несчастными.

Эти глаза уставились прямо на меня.

Все вокруг будто замерло.

— Маленький, ты чего? — тихо сказала я, сама не понимая, почему голос вдруг стал таким мягким. — Тебя кто-то напугал?

Дракончик жалобно пискнул.

Не заревел, не зарычал, не изрыгнул пламя. Просто пискнул — тонко, беспомощно, до невозможности жалобно.

— Не бойся, — сказала я и осторожно протянула руки. — Тебя никто не обидит. Я не дам.

— Осторожно! — одновременно воскликнули декан и взъерошенный парень.

Но было поздно.

Я уже взяла яйцо на руки.

Голова, торчавшая из треснувшей скорлупы, тихо курлыкнула и уткнулась мне в шею. Существо дрожало, скользкое, теплое и совершенно перепуганное. Я прижала его к себе и начала поглаживать маленькую мокрую голову, бормоча что-то успокаивающее.

— Тише, тише... все хорошо. Никто тебя не тронет. Ну что ты, малыш...

Профессор Дилани не двигался. Взъерошенный парень тоже. Оба смотрели на меня так, будто я только что голыми руками поймала молнию и теперь спрашивала, где тут полотно.

Малыш постепенно перестал дрожать от страха. Потом потянулся, зашевелился, и остатки скорлупы с тихим трес-

ком осыпались мне на колени.

Я с изумлением уставилась на самого настоящего дракончика.

Маленького. Красного. Мокрого. С тонкими перепончатыми крылышками, длинным хвостом и лапками, которые он пока не очень понимал куда девать. Он был не страшный. Совсем. Скорее жалкий и трогательный, как любой младенец, которому слишком рано пришлось столкнуться с большим и шумным миром.

И еще он дрожал. Теперь уже не только от страха, но и от холода.

— Господи, да ему же холодно! — возмущенно заявила я, прижимая малыша крепче. — Дайте что-нибудь, чтобы его укрыть!

Декан очнулся первым. В следующее мгновение он оказался рядом и протянул мне плед, неизвестно откуда взявшийся у него в руках.

Я закутала бедолагу в мягкую ткань и снова прижала к себе, согревая. Дракончик слабо фыркнул мне в воротник. Из пасти вырвалось облачко теплого пара.

— Вот так, — прошептала я. — Уже лучше.

— Вы приняты, — вдруг сказал лорд Дилани.

Я подняла на него глаза.

— Что?

— Вы приняты, — повторил он и вернул мне документы, которые так и не успел раскрыть. — Добро пожаловать на

факультет всадников.

Я моргнула. Потом посмотрела на дракончика. Потом снова на декана.

Слова доходили до меня плохо. На руках у меня лежал самый настоящий дракон. Маленький, завернутый в плед, мокрый и сонно тыкающийся носом мне в шею. На фоне этого поступление на факультет всадников почему-то казалось почти второстепенной новостью.

— А теперь, — сказал профессор Дилани уже деловито, — давайте отнесем этого шустрика обратно к маме.

Он протянул руки, пытаясь забрать малыша.

Дракончик мгновенно проснулся.

Едва декан коснулся пледа, малыш вцепился коготками в мою одежду, задергался и попытался изрыгнуть пламя. Правда, вместо пламени из его пасти вырвался только слабый пар, но намерение было вполне ясным.

— Так, так, спокойно, — отступил декан, поднимая ладони. — Я понял.

Дракончик сердито фыркнул и снова уткнулся мне в шею.

— Он... не хочет к вам? — осторожно спросила я.

— Он только что вылутился и выбрал самое безопасное место, — сухо ответил профессор. — В данном случае, видимо, вас.

Взъерошенный парень виновато кашлянул.

— Я пытался его поймать, господин декан.

— Вижу, — сказал Дилани. — Судя по состоянию кори-

дора, очень старательно.

Парень покраснел.

— Ладно, — решил декан, обращаясь уже ко мне. — Придется вам самой отнести его к матери.

Я встала, крепче перехватила завернутого в плед малыша и пошла вслед за деканом. Взъерошенный долговязый парень двинулся рядом, то и дело бросая на дракончика виноватые взгляды.

Мы долго шли по коридорам Академии. Студенты оборачивались, кто-то шептался, кто-то откровенно тарасился. Еще бы: не каждый день по крылу приемной комиссии идет абитуриентка, прижимая к груди новорожденного дракона.

Дракончик между тем окончательно успокоился. Он тихо сопел в пледе, иногда шевелил крылом и цеплялся коготками за мой рукав. От него пахло теплой скорлупой, дымком и чем-то странно сладким.

Наконец мы вышли во двор и направились к огромному высокому зданию у дальней стены Академии. Оно напоминало ангар, только построенный не для экипажей, а для существ, которым обычные двери были бы оскорбительно малы.

Внутри было просторно и тепло. Под самым потолком тянулись балки, на стенах висели цепи, седла, кожаные ремни и щетки размером с садовые грабли. В глубине, в большом гнезде из толстых ветвей, мягких тюфяков и обожженной травы, сидел настоящий взрослый дракон.

Красная драконица.

Она была огромной. Даже лежа, казалась гораздо больше кареты, а когда подняла голову, мне захотелось на всякий случай сделать шаг назад. Чешуя на ее шее переливалась темно-алым, золотистые глаза вспыхнули тревогой, ноздри раздулись.

Увидев малыша у меня на руках, драконица резко дернулась.

— Все хорошо, Сарита, — спокойно сказал декан, поднимая ладонь. — Твой малыш в безопасности.

Драконица не сводила с меня глаз.

Я сглотнула.

— Я... принесла его, — сказала я зачем-то, хотя она, конечно, и так это видела.

Сарита издала низкий вибрирующий звук. Не угрозу. Скорее нетерпеливый зов.

Дракончик в моих руках шевельнулся, поднял голову и ответил слабым писком.

— Можете уложить его в гнездо, — сказал профессор Дилани.

Легко сказать.

Гнездо было таким большим, что его край доходил мне почти до груди. Я с трудом забралась на выступ, стараясь не уронить малыша и не наступить ни на что важное. Драконица следила за каждым моим движением, и от этого спина покрылась холодными мурашками.

Но стоило мне осторожно положить дракончика рядом с матерью, как все напряжение исчезло.

Малыш сразу успокоился, пискнул и неловко пополз к ее боку. Сарита накрыла его крылом, осторожно, почти нежно, и прижала к себе. Измученный побегом дракончик тут же расслабился и, кажется, уснул.

Я еще мгновение смотрела на них, не в силах отвести взгляд.

А потом драконица повернула голову ко мне и медленно, очень аккуратно коснулась горячим носом моей ладони.

Я застыла.

— Она благодарит вас, — негромко сказал декан.

И вот тут до меня наконец дошло: я действительно поступила на факультет всадников. Причем, кажется, самым странным способом из всех возможных.

Глава 9

— Все комнаты в женском крыле заняты! — строго сказала комендант общежития. — Раньше надо было приезжать!

Можно подумать, если бы я приехала раньше, мест стало бы больше. Все равно кто-нибудь в итоге не поместился бы. Просто этим «кем-нибудь» оказалась я.

— И что же мне делать? — уныло спросила я.

Комендант, женщина высокая, сухая и совершенно не склонная к лишним нежностям, окинула меня внимательным взглядом. Видимо, вид у меня был настолько потерянный, что даже ее служебная строгость дала трещину.

— Ну, в принципе... — сказала она уже чуть мягче. — Есть одна небольшая комната на одного человека в преподавательском крыле. Временно могу поселить там. А когда кого-нибудь из девушек исключат или кто-то сам уедет, место освободится — переселю.

— И часто у вас девушки сами покидают Академию? — зачем-то полюбопытствовала я.

— Случается, — расплывчато ответила комендант. — Кто-то с учебой не справляется, кто-то жизнь вдали от родителей не выдерживает, а кто-то замуж выходит и учебу бросает. В конце концов, многие из вас сюда идут исключительно затем, чтобы выгодного мужа себе найти.

Выяснять подробности насчет выгодных потенциальных

музей я не стала. Мне бы для начала найти кровать, крышу над головой и способ не вылететь из Академии в первый же день.

— Покажите мне эту комнату, пожалуйста, — попросила я.

Комендант вздохнула, подхватила связку ключей и махнула рукой:

— Идем.

Комнатушка действительно оказалась крохотной. В нее помещались только узкая кровать, небольшой угловой шкаф и маленький столик с табуреткой. Все. Если бы у меня было столько багажа, сколько у Олейны, самой мне спать было бы просто негде. Разве что вынести кровать и улечься на чемоданах.

Зато я сразу отметила один существенный плюс: к комнате примыкал собственный санузел. Крохотный, зато мой. В нем каким-то чудом помещались унитаз, раковина и даже душевая кабинка. После всех тревог дня это казалось почти роскошью.

— Устраивайся, — сказала комендант и вручила мне ключ. — За бельем и формой зайдешь в кастилянскую.

— О, тут форму выдают? — обрадовалась я.

— Выдают, — кивнула она. — Но многие студенты, особенно те, что пообеспеченнее, предпочитают пользоваться своей одеждой и бельем.

Когда-то я тоже была достаточно обеспеченной девушкой.

Но сейчас оказалась в той ситуации, когда казенная одежда радовала почти до слез. Не надо тратить деньги. Не надо думать, что надеть. Не надо объяснять, почему у меня вещей меньше, чем у обычной студентки.

Оставив ключ при себе, я отправилась искать комнату Олейны. Подруга встретила меня с любопытством, а когда я забрала у нее свою сумку и рассказала, что теперь тоже учусь на первом курсе, хоть и на другом факультете, искренне обрадовалась.

— Отлично! — воскликнула она. — На первом курсе многие предметы у нас будут общими, особенно лекции. Сегодня занятий уже нет. Предлагаю встретиться в столовой через час, пообедать, а потом куда-нибудь прогуляться.

— Хорошо. А я пока схожу за формой и бельем, — согласилась я.

В кастелянной мне выдали строгое форменное платье, спортивный костюм, комплект белья и несколько полотенец. Все было простое, добротное и без единого намека на изящество, зато чистое и целое. Я прижала сверток к груди и на обратном пути размышляла о том, как искать Эндрю в этой огромной Академии.

Я знала только, что он учился на выпускном курсе боевиков. Впрочем, этой информации должно было хватить. Имя и фамилию я, конечно, тоже помнила. Нужно поспрашивать студентов постарше, желательно не выглядя при этом слишком подозрительно. Мои будущие одноклассники вряд ли

знали об Академии больше меня.

Разложив вещи в своей новой комнате, я переоделась, наскоро привела себя в порядок и отправилась в столовую.

В помещении было шумно и многолюдно. Студенты занимали длинные столы, смеялись, спорили, размахивали ложками. От запаха горячего супа и свежего хлеба у меня неожиданно заурчало в животе.

Я остановилась у входа, оглядываясь в поисках Олейны.

И вдруг увидела Эндрю.

Он стоял у одного из столов, высокий, знакомый до боли, и все такой же красивый. Сердце глупо дернулось навстречу раньше, чем разум успел напомнить: я сейчас совсем не та, кого он знает. На мне чужое лицо. Чужое имя. Чужая жизнь.

Но Эндрю смотрел в мою сторону и радостно улыбался.

На миг все вокруг исчезло. Шум столовой, запах еды, чужие голоса — все стало неважным. Я сама расплылась в улыбке и уже хотела шагнуть к нему, забыв обо всем на свете.

— Энди! Я приехала!

Меня обогнала та самая блондинка, которой все мешали еще при въезде в Академию. Она промчалась мимо, будто я была пустым местом, кинулась Эндрю на шею и звонко рассмеялась.

— Милый, я так рада, что мы опять вместе! Ты соскучился?

Я застыла.

Улыбка сползла с лица так резко, будто ее стерли.

— Крис? — продолжая улыбаться, сказал Эндрю. — Я думал, тебя исключили.

Он больше не смотрел на меня.

Да, похоже, и раньше смотрел не на меня. Он улыбался этой самой Крис, которая вошла следом и оказалась ровно за моей спиной.

— Исключили, — беспечно пожала плечами девушка. — Но папочка предоставил Академии материальную помощь, и меня восстановили. Дали возможность пересдать все осе-
нью. А ты, говорят, так и не женился на этой... как ее там...

— Арисании, — подсказал Эндрю, поморщившись. — Нет, не женился.

Имя ударило сильнее пощечины.

Я стояла совсем рядом. Настолько близко, что слышала каждое слово. Настолько близко, что могла рассмотреть, как Крис поглаживает его плечо, как Эндрю не отстраняется, как уголок его рта кривится в знакомой улыбке.

— Я знала, что твоя любовь ко мне важнее, чем выгода от этого сомнительного брака! — радостно воскликнула Крис.

Любовь?

Слово будто провалилось мне под ребра и застряло там острым осколком.

Но Эндрю ведь любил меня. Он говорил это. Смотрел так, будто я для него одна на свете. Обещал, что все будет хорошо. Или не любил? Или я сама придумала себе то, чего никогда не было?

— Милая, ты же знаешь, на наш брак твой отец все равно не согласился бы, — сказал Эндрю уже тише, но я все равно слышала. — А тут наследство неплохое, которое Ари должна получить после двадцати одного года. Вот родители и надавили.

У меня похолодели пальцы.

Наследство.

Не я. Не чувства. Не обещания. Наследство.

— Ах, хватит говорить о неприятном! — отмахнулась Крис. — Как насчет того, чтобы вечером прогуляться по городу? Мы сто лет не виделись. Можно снять номер в гостинице на ночь...

Я ошарашенно смотрела на них и не могла сдвинуться с места.

Они говорили так, будто вокруг никого нет. Будто не стояли посреди полной столовой. Будто чужое разбитое сердце не могло находиться в двух шагах и слышать каждое слово.

— Арина! Иметра! — донеслось откуда-то словно издалека. — Ариш!

Я не сразу поняла, что зовут меня. Только когда прозвучало это укороченное, почти привычное «Ариш», я вздрогнула и обернулась.

Ко мне подходила Олейна.

— Ариш, ты чего встала как вкопанная? — спросила она. — Я зову тебя, зову.

Я попыталась ответить, но в горле стоял ком. Воздуха не

хватало. Столовая вдруг стала слишком шумной, слишком тесной, слишком яркой. Эндрю что-то говорил Крис, та смеялась, а я чувствовала, как предательски щиплет глаза.

— Я... я передумала обедать, — выдавила я. — Мне надо... у меня дела. Прости, увидимся позже!

Не дожидаясь ответа, я развернулась и выскочила из столовой.

Сначала я шла быстро. Потом почти побежала. Коридоры расплывались перед глазами, шаги гулко отдавались в ушах, а я изо всех сил сдерживала слезы, чтобы не разрыдаться прямо на глазах у студентов и преподавателей.

Только добравшись до своей крохотной комнаты, я захлопнула дверь, повернула ключ в замке и прислонилась к ней спиной.

Все.

Теперь можно.

Я рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась громко, безобразно, уже не пытаясь держаться.

Плакала не только из-за Эндрю.

Плакала из-за собственной глупости. Из-за страха. Из-за того, что оказалась никому не нужной разменной монетой в чужих расчетах. Из-за того, что так отчаянно хотела верить хоть кому-нибудь — и поверила не тому.

Глава 10

Я рыдала долго и никак не могла успокоиться.

Слезы то стихали, то накатывали снова, стоило только вспомнить Эндрю и эту блондинку. Я утыкалась лицом в подушку, пыталась дышать ровнее, убеждала себя, что хватит, что я уже достаточно унизилась хотя бы перед самой собой, но ничего не помогало.

В голове никак не укладывалось все, что произошло со мной за последние дни.

Еще совсем недавно я была счастлива. Впереди вырисовывалась такая ясная, такая правильная жизнь: свадьба, любимый муж, общий дом, спокойное будущее. И вдруг все пошло куда-то не туда.

Свадьба сорвалась. Обнаружился какой-то муж, которого я совсем не знала. Потом был мой побег из дома, дорога, поступление в Академию, которого я никогда не планировала. А теперь еще и Эндрю, которому я верила без оглядки, оказался лжецом.

Да не просто лжецом. Он встречался с другой. Обнимал ее у всех на глазах, говорил о любви, а она между делом предлагала снять номер в гостинице на ночь.

Я зажмурилась, но легче не стало. Интересно, как долго они были вместе? Получается, отношения со мной он завел уже тогда, когда у него была подруга в Академии? Или я

вообще все это время была лишь удобной невестой, которую родители подобрали ему ради каких-то своих расчетов?

От внезапной мысли я резко села на кровати. Наследство. Про какое наследство говорил Эндрю? Не было у меня никакого наследства. Во всяком случае, мне о нем никто ничего не рассказывал. Или все-таки было, но дядя Дрез решил не говорить? Такое ведь вполне в его духе. Особенно если наследство достаточно серьезное, чтобы из-за него чужая семья настаивала на браке со мной.

Я потерла лицо ладонями, пытаюсь собрать мысли.

Если наследство существует, значит, я не совсем беспомощна. Значит, у меня может быть способ отбиться от нежеланного брака с этим... как его... Мирстенем. Можно вернуть папин долг. Можно перестать зависеть от дяди, от его решений, от его раздраженного «так надо».

Только как узнать размер наследства? И где оно вообще находится? Кто им распоряжается? Дядя явно не собирался ничего мне рассказывать. А мама знала? Или ее тоже держали в неведении?

Мысли закрутились, одна тревожнее другой. И тут перед глазами снова всплыл Эндрю. Его улыбка. Руки на талии Крис. Ее довольный смех. Его спокойный голос, когда он говорил обо мне не как о невесте, не как о любимой, а как о выгодной сделке.

Слезы снова застили глаза.

Как я могла так ошибаться? Как могла смотреть на него

и видеть совсем другого человека? Или, может, это все какое-то ужасное недоразумение? Может, я что-то не так поняла?

Но что там можно было понять не так?

«Любовь ко мне важнее выгоды от этого сомнительного брака».

«Наследство, которое Ари должна получить».

«Родители надавили».

Нет. Все я поняла правильно. И, наверное, хорошо, что я не успела раскрыться перед Эндрю. Он так и не узнал, что я здесь, в Академии, под чужой личиной. Могу представить, как по-идиотски я выглядела бы, если бы бросилась к нему, назвала по имени, попыталась объяснить. Стояла бы перед ним, растерянная и влюбленная, а рядом Крис смотрела бы на меня с презрительной жалостью.

От одной этой картины стало тошно. Я снова оказалась перед выбором: что делать дальше?

Теперь меня вроде бы ничто не держало в Академии. Я ведь приехала сюда исключительно ради Эндрю. Ради человека, который оказался... козлом. Вот кем он оказался.

Но возвращаться домой я тоже не могла. Там меня тут же отправят к незнакомому мужу, в дом, где я буду никем. Ошибкой. Обузой. Чужой женщиной, которую кто-то когда-то записал в жены без ее согласия.

Куда мне податься? Без денег, без профессии, без надежной помощи?

Софи меня в беде, конечно, не оставит. Но кто бы помог самой Софи? У них тоже все не так уж просто. Да и если я появлюсь рядом с ней, дядя с мамой быстро меня обнаружат и сплавят к муженьку, прикрывшись долгом и заботой о моем будущем.

Я горько усмехнулась. Заботливые какие.

Ну что ж. Значит, провидение все решило за меня. Буду получать профессию. А что? Драконы всадники, насколько я знала, неплохо зарабатывают. Да и стать всадником дано далеко не каждому. Нужны хотя бы слабенькие магические способности, контакт с драконом, крепкие нервы и множество знаний, которые я, очень надеялась, смогу обрести здесь, на факультете всадников.

Да, мой магический потенциал оказался слабоват. Да, я понятия не имела, как ведут себя настоящие драконы, кроме одного новорожденного малыша, который в панике врезался в мой стул. Но меня приняли. Это уже что-то.

В любом случае, когда мне исполнится двадцать один год, меня не смогут просто так отдать какому-то там мужу. И наследство, если оно существует, я по нашим законам смогу получить сама, без разрешения опекунов.

Значит, мне нужно продержаться три года. Всего три года. Почему бы не провести их в Академии?

Как только мысли стали хоть немного конструктивными, истерика постепенно сошла на нет. Я еще всхлипывала, но уже не захлебывалась слезами. Умылась холодной водой,

промокнула лицо полотенцем и посмотрела на часы, висевшие на стене.

Тяжко вздохнула. Обед я пропустила. Ужин тоже.

Можно было пройти к маленькому магазинчику у входа в Академию и купить что-нибудь поесть, но с финансами у меня было туго. Кто знает, когда и как я смогу разжиться деньгами и на что они мне еще понадобятся.

Желудок недовольно пробурчал.

— Потерпи, — мрачно сказала я ему и выпила воды из кувшина, стоявшего на столе.

После этого я занялась вещами. Достала одежду из сумки, развесила на плечики форменное платье и те немногие платья, что взяла с собой. Разложила белье, убрала документы в ящик стола, несколько раз проверила, хорошо ли он закрывается.

Комнатка от этого уютнее не стала, но хотя бы перестала выглядеть так, будто я готова сбежать из нее в любой момент.

Внезапно в дверь постучали. Я вздрогнула. Кто мог прийти ко мне? Здесь почти никто не знал, где я живу. Скорее всего, кто-то просто ошибся дверью.

Я вздохнула и пошла открывать. За дверью стояла Олейна. В одной руке она держала стакан с компотом, во второй — бумажный пакет, из которого доносился такой аппетитный запах, что мой желудок тут же предательски ожил.

— Привет, — сказала она, озабоченно глядя на меня. — Ты в порядке? Ты убежала с обеда и не пришла на ужин. Я

решила, что это вряд ли потому, что ты на диете, и принесла тебе поесть. Тарелки из столовой мне не дали, так что тут пирожки и компот.

— Ты моя спасительница, — выдохнула я.

И это было почти не преувеличение. Я взяла у подружки еду и устроилась за маленьким столиком. Олейна тем временем присела на кровать, потому что больше садиться у меня было просто некуда.

— Ариш, что случилось? — спросила она, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Ты еще в обед была сама не своя. Да и сейчас видно, что плакала. Что-то серьезное? Только не говори, что по приюту скучаешь. Я же вижу, что дело не в этом.

Я надкусила пирожок, прожевала, проглотила и только потом ответила. Наверное, мне нужно было хоть кому-то сказать правду. Пусть не всю, пусть без имен и подробностей, но достаточно, чтобы не задохнуться от нее в одиночку.

— Я узнала, что мой жених все время, пока мы с ним встречались, обманывал меня, — сказала я. — У него есть другая девушка. И с ней он... гораздо ближе, чем был со мной.

Подробностей я рассказывать не стала. Да они и не были нужны Олейне.

Она сначала открыла рот, потом закрыла. Видимо, приличных слов не нашлось.

— Вот же... — начала она и осеклась. Потом спросила

уже мягче: — А это точно? Может, тебя обманули какие-нибудь завистники?

— Точно, — вздохнула я.

Уточнять, что видела все своими глазами и слышала собственными ушами, не хотелось.

— Ну и гад! — в сердцах воскликнула Олейна. — Значит, правильно, что ты уехала от него подальше. С глаз долой — из сердца вон. Забудешь его здесь, найдешь другого. Получше прежнего.

Угу. Забуду, конечно.

Особенно если этот самый гад будет каждый день мельтешить перед глазами в обнимку со своей блондинкой.

Но Олейне я этого не сказала. Только согласно кивнула и продолжила жевать пирожки, которые с голодухи казались просто бесподобными.

А еще, к собственному удивлению, я вдруг поняла: мне стало чуть легче. Не хорошо, нет. До «хорошо» было далеко. Но в комнате больше не было той звенящей пустоты, в которой я оставалась одна на один со своим разбитым сердцем.

Теперь рядом сидела Олейна, возмущалась за меня, принесла пирожки и компот.

И, возможно, именно с этого стоило начать новую жизнь.

Глава 11

Мы с Олейной просидели почти до отбоя, болтая обо всем на свете, лишь бы не касаться одной-единственной темы. О неверном женихе говорить не хотелось совсем. Стоило только вспомнить Эндрю, и внутри неприятно сжималось, будто кто-то дергал за туго затянутый узел.

Поэтому мы обсуждали занятия, которые ждали нас уже завтра, соседний городок, куда Олейна время от времени собиралась выбираться по выходным, местные лавочки, слухи об академических преподавателях и ее соседок. Олейна рассказывала живо, с такими выразительными подробностями, что я невольно смеялась: то над девицей, которая привезла с собой три сундука платьев и ни одной пары удобных туфель, то над другой, решившей с первого дня завести знакомство со всеми старшекурсниками сразу.

Только когда в коридоре послышались торопливые шаги, а за дверью кто-то громко напомнил, что до отбоя осталось десять минут, Олейна подскочила.

— Все, я побежала, а то комендантша с меня шкуру снимет! Спокойной ночи, Ариш!

Она махнула мне рукой и исчезла за дверью, торопясь в женское студенческое крыло общежития.

Я сладко зевнула, переоделась в выданную мне сестрой ночную сорочку и забралась под одеяло. Простыня пахла

свежестью, подушка оказалась непривычно жесткой, но усталость была сильнее любых неудобств. Я закрыла глаза и уснула почти сразу.

Мне снился лорд Крам — именно таким, каким я впервые увидела его в холле особняка Яворски: хмурый, недовольным и сердитым. Во сне он гнался за мной с метлой в руках, размахивал ею так, будто собирался не пыль выметать, а меня из собственной жизни, и грозно кричал:

— Ты высидела яйцо, и теперь из него вылупился маленький дракончик! Ты его мать и должна заботиться о нем!

А рядом с ним, подпрыгивая на тоненьких ножках, катилось огромное яйцо. Оно отчаянно семенило следом, смешно покачивалось из стороны в сторону и тоненьким голоском пищало:

— Мама! Мама! Подъем! Подъем!

— Подъем! — уже совсем не во сне разнеслось по коридору.

Я распахнула глаза.

Голос был совсем не таким уж тоненьким и принадлежал комендантше.

В следующую секунду я подскочила с кровати и начала метаться по комнате, врезаясь то в стол, то в кровать, то в стену, то в табуретку. Учитывая размеры комнаты, метаться там было особенно негде, а вот врезаться во что-нибудь — проще простого. Табуретка подло попалась мне под ногу, стол ударил в бедро, а стена неожиданно оказалась гораздо

ближе, чем я рассчитывала.

Я подняла глаза на часы, и в голове наконец все встало на места: Академия, подъем, завтрак, занятия.

Следом болезненным уколом всплыл образ Эндрю, обнимающего Крис. Я зажмурилась, глубоко вдохнула и волевым усилием вытолкнула это воспоминание куда подальше. Не до него сейчас. Если я начну разваливаться из-за каждого его взгляда и каждой улыбки этой блондинке, то долго в Академии не продержусь.

Столовая уже гудела от множества голосов. Гул стоял такой, будто под высоким потолком поселился пчелиный рой: кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то стучал ложкой по тарелке, требуя добавки. В воздухе смешались запахи каши, свежего хлеба, травяного чая и чего-то жареного.

Я быстро отыскивала глазами Олейну. Она стояла у раздачи и как раз пыталась выбрать между булочкой и куском пирога сомнительного вида. Я подошла к ней, поставила на поднос тарелку с кашей и добавила бутерброд с сыром.

— Доброе утро, — бодро сказала Олейна. — Выглядишь так, будто ночью сражалась с табуретом.

— Почти угадала, — буркнула я.

Мы нашли свободный столик в углу и уселись завтракать.

Я пыталась смотреть только в тарелку, но глаза сами собой скользили по залу. Я еще не успела осознать, что ищу Эндрю, а уже искала. Среди темных и светлых макушек, среди форменных курток разных факультетов, среди веселых ком-

паний и сонных одиночек.

И наконец увидела.

Он сидел рядом со своей блондинкой в окружении нескольких боевиков и что-то оживленно рассказывал. Эндрю жестикулировал, улыбался, будто не произошло ничего особенного, будто вчера не рухнула вся моя прежняя жизнь. Крис сидела совсем близко, довольно улыбалась и крепко прижималась к моему уже бывшему жениху.

В груди неприятно кольнуло. Не больно даже — мерзко.

— Что ты там увидела? — поинтересовалась Олейна, проследив за моим взглядом.

— Да так... показалось, что знакомый, — тут же соврала я и уткнулась в кашу. — Обозналась.

Больше в сторону Эндрю я старалась не смотреть. Каша внезапно стала самым интересным предметом в столовой.

— У нас сейчас лекция по основам магии, — сказала Олейна, решив не допытываться. — Она общая для всего первого курса.

— Отлично, значит, идем вместе! — обрадовалась я.

К счастью, из столовой мы вышли с ощутимым запасом времени. Правда, Академия словно решила проверить нас на способность ориентироваться в пространстве. Мы умудрились запутаться в переходах, дважды свернули не туда, один раз оказались у лестницы, которая, по словам проходившего мимо старшекурсника, вела «совсем не туда, куда вам надо, если вы еще дорожите своим здоровьем», и только после

этого нашли нужную лекционную аудиторию.

До звонка мы все же успели. Но ближние места уже были заняты, поэтому пришлось подниматься почти на самый верх.

— А вы слышали? — сказала сидящая неподалеку рыженькая студентка, наклоняясь к подругам, но так громко, что слышали все вокруг. — Говорят, основы магии ведет новый преподаватель. Молодой и симпатичный. Вон девчонки поэтому все поближе уселись.

Я посмотрела вниз и только теперь заметила: первые ряды действительно были заняты почти исключительно девушками. Большинство студенток, судя по нашивкам, училось на целительском факультете. Они сидели выпрямившись, приглаживали волосы, шептались и время от времени бросали нетерпеливые взгляды на дверь.

— Смотри-ка, — хмыкнула Олейна. — Преподаватель еще не вошел, а у него уже поклонницы.

Дверь открылась.

Лектор вошел в аудиторию, и девчонки на первых рядах дружно, почти восторженно ахнули.

А я обомлела.

Потому что услышала знакомый бархатный голос:

— Добрый день, студенты. Меня зовут господин Мирстен. Лорд Крам Мирстен, но поскольку в Академии придерживаются правила не обращать внимания на сословия, прошу обращаться ко мне просто: господин Мирстен.

Он остановился у кафедры, оглядел аудиторию внимательным, спокойным взглядом и продолжил:

— Я буду вести у вас лекции по основам магии. У студентов факультета Всадников, помимо этого, буду преподавать драконоведение. Также я являюсь куратором группы Всадников.

Я сидела, не двигаясь, и смотрела на своего мужа.

На своего мужа.

В Академии.

За преподавательской кафедрой.

Если бы пол под партой внезапно разверзся и предложил мне укрытие, я бы нырнула туда без лишних вопросов. Но потом вспомнила: я под чужой личиной. Он не должен меня узнать. Не должен.

Хотя от этой мысли легче почти не стало.

Как? Ну как я могла так попасть? За последние дни я, кажется, побила все возможные рекорды по невезению. Сбежать от мужа — и оказаться с ним в одной Академии. Да еще и выяснить, что он мой преподаватель и куратор. Такое феерическое невезение даже придумать было бы сложно.

Лекция началась. Все вокруг прилежно раскрыли тетради и стали записывать определения под диктовку лектора. А у меня дрожали руки. Перо оставляло на странице неровные кляксы, буквы расползались, мысли путались.

— Ариш, ты чего? — шепнула Олейна, заметив мое состояние. — Да забудь ты про этого своего придурка. Много

чести — думать о нем! Давай, сосредоточься на учебе.

Похоже, подруга решила, что я снова переживаю из-за вчерашнего рассказа об Эндрю, и старалась поддержать как могла.

Я глубоко вдохнула, заставила себя разжать пальцы и снова взяться за перо. Нужно было собраться. Я не могла позволить себе развалиться прямо на первой лекции. Тем более на лекции собственного мужа.

Крам объяснял действительно хорошо: спокойно, последовательно, без лишней напыщенности. Сложные вещи он раскладывал так ясно, что даже самые сонные студенты начинали поднимать головы. В его голосе не было ни раздражения, ни скуки — только уверенная сосредоточенность человека, который прекрасно знает предмет и умеет заставить других слушать.

И все равно лекция казалась мне бесконечной.

Я почти не понимала, что записываю. Смотрела то на доску, то в тетрадь, то на его руки, когда он выводил формулы магических потоков. Каждый раз, когда Крам поднимал взгляд к верхним рядам, сердце у меня замирало. Казалось, еще секунда — и он поймет. Узнает. Назовет меня настоящим именем при всей аудитории.

Но он не узнал.

По крайней мере, сделал вид.

Когда занятие наконец закончилось и прозвенел звонок, я едва не выдохнула вслух от облегчения. Быстро собрала тет-

ради и перья в сумку и вслед за Олейной попыталась покинуть аудиторию, стараясь держаться в толпе и не попадаться преподавателю на глаза.

Не вышло.

— Группа Всадников, задержитесь, пожалуйста, — сказал Крам Мирстен. — У вас замена в расписании. Следующий час будет посвящен знакомству и организационным вопросам.

Я замерла у прохода.

Олейна посмотрела на меня:

— Держись, Ариш. Увидимся позже.

Она ушла вместе с остальными студентами, а я на ватных ногах вернулась к партам и села в первом ряду, с краю. Почему в первом — сама не поняла. Наверное, ноги решили окончательно меня предать.

В зале осталось еще с десятков парней и крупная плечистая девушка. Кто-то переговаривался вполголоса, кто-то с интересом разглядывал преподавателя, а я сидела ровно, уставившись в край своей тетради, и думала только об одном: лишь бы он не посмотрел слишком внимательно.

Глава 12

Крам внимательно оглядел нашу разношерстную группу.

Если парни и вторая девушка выглядели еще более-менее презентабельно, то я на их фоне смотрелась белой вороной. На факультет Всадников, как я уже успела понять, в основном попадали те, кто не прошел на боевой из-за недостаточно высокого магического потенциала. Но это вовсе не означало, что сюда брали слабаков. Наоборот: почти все выглядели крепкими, плечистыми и подтянутыми. Даже девушка.

А вот я...

На мне держалась иллюзия полненькой подслеповатой страшилки в очках. Но, если честно, и без иллюзии я была далека от спортивного телосложения. Таких, как я, обычно называли задохликами. Хотя быть хрупкой и изящной девушкой в обычной жизни совсем неплохо. Напротив, у мужчин сразу появляется желание защитить, поддержать, подать руку, придержать дверь и непременно сказать что-нибудь снисходительно-ласковое.

Но учиться на факультете Всадников...

Что-то подсказывало мне, что легко не будет. Совсем не будет. А мне нужно было продержаться в Академии минимум три года. Ну или хотя бы год, а потом попробовать заново поступить уже на целительский факультет.

Правда, просто продержаться год было мало. Сестра фи-

нансово вряд ли смогла бы серьезно помочь, а маме и дяде о том, где я нахожусь, знать не стоило. Значит, в плане денег я могла рассчитывать только на стипендию. Ну или искать подработку. По-хорошему, конечно, лучше было иметь и то и другое.

Проведя взглядом по нашей компании, Крам принялся внимательнее рассматривать студентов. Среди парней были здоровенный орк, один полугном и два эльфа. Остальные тоже не выглядели так, будто случайно забрели сюда с лекции по вышиванию. Все хлюпики и задохлики, похоже, ушли на целительский, и только я одна оказалась здесь ни к селу ни к городу.

Куратор остановил взгляд на мне и вздохнул:

— М-да... И как же вас сюда занесло, милая барышня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.